

В лагерь — за Татьяну Ларину

Только что прошел повторный телевизионный показ фильма «Дело Сухова-Кобылина», и это дает мне повод напомнить нашим читателям о том, что человек, впервые в литературе доказавший невиновность знаменитого русского драматурга, обвиненного в убийстве, долгое время жил в Вологде и считался в 60—70-е годы вологодским писателем. Это — В. А. Гроссман, он был не только писателем, но и литературоведом, профессором. Человеком огромных знаний. Я уже неоднократно писал о нем. Но сегодня частично речь пойдет о чем-нибудь не писанном (лишь бы не подвела память). Но начну с известных фактов.

Итак, обратимся к истории. 9 января 1850 года на Ходынском поле в Москве было обнаружено тело молодой женщины, француженки Луизы Симон-Деманш, зверски убитой. Кто же убил ее? Подозрение пало на московского аристократа Сухова-

Кобылина, любовника убитой. Версия была такова — он-де пошел на преступление, чтобы избавиться от надоевшей ему любовницы. Сухово-Кобылин был арестован, оказался в тюрьме и потрясенный всеми этими обстоятельствами, как бы в ответ на несправедливые обвинения, обратился к литературе, начал писать. Под влиянием этой трагедии была написана знаменитая драматургическая трилогия: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина».

В конце концов, при личном участии императора Сухово-Кобылин был оправдан судом, но тень подозрения за ним все равно как бы осталась. В советское время литературовед Л. Гроссман выпустил книгу «Преступление Сухова-Кобылина», в которой, руководствуясь «классовым подходом», обвинял драматурга в убийстве. В ответ на это в 1936 году другой литературовед В. Гроссман издал книгу «Дело Сухова-Ко-

былина». В ней, обратившись к архивным материалам, убедительно доказал невиновность драматурга и, будучи юристом по образованию, провел своего рода «расследование», точно указав убийцу несчастной француженки — дворовых, расправившихся с ней за ее притеснения дворян.

Произошел знаменитый в 30-е годы спор двух Гроссманов. За ним следила вся литературная общественность страны. Виктор Азриэлевич рассказывал мне, что появились даже эпиграммы по этому поводу. Вот одна из них (привожу по памяти):
«Гроссман к Гроссману летит.

Гроссман Гроссману кричит:
«Гроссман, где нам пообедать?
Что такое нам отведасть?»
Гроссман Гроссману

в ответ:
«Знатный будет нам обед:
В чистом поле под ракитой
Труп француженки

зарытый».

Как бы там ни было, победа осталась на стороне Виктора Азриэлевича. Его доказательства были неопровержимы... Дочь Сухова-Кобылина написала Виктору Азриэлевичу, что он спас честь ее отца. Но вскоре я книгу, и автора постигла трагическая, хотя и типичная для сталинских времен участь — он был арестован по нелепому обвинению. Книга его была изъята из обращения.

Случайно избежав расстрела, В. А. Гроссман оказался в одном из вологодских лагерей. После войны был освобожден. Поселился в Вологде, женился здесь, был допущен к преподаванию в Вологодском пединституте. Начал читать здесь лекции. И последовал донос — мол, Гроссман «идеалистически» искажает русскую литературу. Действительно, Виктор Азриэлевич имел некоторые оригинальные взгляды в литературе. Напри-

мер, он довольно логично доказывал, что Татьяна Ларина никогда не любила Евгения Онегина, что это было «книжное» увлечение молодой девушки, придумавшей себе любовь... и т. д.

«И первый вопрос, который мне задал вологодский следователь, — вспоминал Виктор Азриэлевич, — был такой: «Правда ли, что вы утверждаете, будто Татьяна Ларина не любила Евгения Онегина?» И я чистосердечно признался в этом».

Так было заведено новое дело на В. А. Гроссмана, и он опять попал в лагерь...

Все же В. А. Гроссман выжил, был полностью реабилитирован в хрущевское время. Как известно, он жил уже в Вологде постоянно, написал роман о Пушкине «Арion», много литературных этюдов, умер он на 92-м году жизни в 1978 году. Большинство его работ последнего периода жизни так и осталось незавершенным.

Владимир АРИНИН.